

*Радиопередача о заключенных,
для заключенных и для всех тех,
кому не безразлична их судьба...*

На минувшей неделе в Общественной палате РФ обсуждалась ситуация, сложившаяся в отношении права граждан на обжалование приговоров в уголовном процессе. Надзорное обжалование, существовавшее у нас до прошлого года, позволяло в какой-то мере бороться за восстановление справедливости и избежать судебной ошибки. В то же время, как считают правозащитники, процесс деградации механизмов исправления судебной ошибки начался еще в конце 90-х годов. Сначала был отменен личный прием граждан в Верховном суде, затем сужались полномочия надзорных инстанций, потом сокращались сроки, в течение которых можно было обращаться с надзорной жалобой. На протяжении 90-х – двухтысячных годов постепенно сужались полномочия президиума Верховного суда. Даже при Советском Союзе Верховный суд имел право не согласиться с председателем суда и принять собственное постановление по уголовному делу. После принятия и вступления в силу федерального закона № 217 от 23 июля 2013 года ситуация стала особенно удручающей. Согласно этому закону, те, кто не воспользовался правом на обжалование в порядке надзора судебных решений, вступивших в законную силу до 1 января 2013 года, либо осуществили его не в полном объеме, имели право обжаловать такие судебные решения лишь до 1 января 2014 года. Если раньше, кроме сторон процесса, с просьбой о принесении надзорной жалобы могли обращаться и общественные организации, то сейчас уже несколько лет права подачи надзорных жалоб у общественных организаций нет.

У микрофона член президентского Совета по правам человека Андрей Бабушкин:

Сейчас нам говорят, что, те судебные решения, что были вынесены раньше, теперь мы их пересматривать не будем, вне зависимости от того, есть судебная ошибка или нет. ...произошла еще одна крупная неприятность – был четко очерчен круг субъектов надзорного обжалования. Если раньше был субъектом кто угодно и общественные объединения часто пользовались этим правом.... Должен вам похвастать, что за время существования нашей организации, с 1996 по 2002 год, то есть за 6 лет, до изменения в УПК РФ, нами было успешно обжаловано около 100 уголовных дел, около 1000 приговоров было отменено, и в общей сложности срок наказания лицам, незаконно осужденным, был снижен не много ни мало как на 2,5 тысячи лет. Все, поставив забор на пути к обжалованию со стороны общественных объединений, законодатель оставил граждан один на один с адвокатом.

Новая законодательная инициатива оправдывается необходимостью приведения российского законодательства в соответствие с европейскими правовыми принципами, в частности, принципом правовой определенности, который требует, чтобы приговор был более устойчивым, то есть не подлежал в дальнейшем изменению. Но между пониманием этого принципа Европейским судом по правам человека и Верховным судом Российской Федерации правозащитники видят существенную разницу. И истинная цель введения изменений в порядок обжалования приговоров, по их мнению, совершенно иная. Продолжает Андрей Бабушкин:

На сегодняшний день практически всё изменение уголовно-процессуального законодательства о надзорной инстанции, это была песня только об одном – как уменьшить нагрузку на судей Верховного суда – совершенно никого не интересовали ни судьбы людей, ни качество приговоров, и конечно такая разрушительная, деструктивная, опасная для государства...Верховного суда, она не могла повлиять на качество

приговоров. Качество приговоров, выносимых в 90-е и 2000-ные годы упало. Стали выноситься приговоры на основе таких доказательств, что в советские годы и в середине 90-х годов даже в страшном сне нельзя было в принципе подумать, что такие приговора будут вынесены... Я считаю, что самый главный паровоз, который нас тянет на пути снижения стандартов – это Верховный суд.

По словам Андрея Бабушкина, только 90 процентов наших граждан не в состоянии самостоятельно обжаловать приговор, а 40 процентов не имеют денег на адвоката. Поэтому часто люди обращаются за помощью в общественные объединения. Анализ обращений граждан в правозащитные организации показывает, что около 70 процентов из них составляют жалобы на судебные решения по уголовным делам. Сотни осужденных просят помощи в обжаловании своих приговоров, вступивших в силу до 1 января 2013 года. Но в связи с вступлением в силу Федерального закона №217, правозащитникам приходится отвечать, что после 1 января 2014 года они уже не могут им помочь. В свою очередь граждане недоумевают и возмущаются, почему их вовремя не информировали об этих законодательных изменениях. У микрофона юрист Комитета за гражданские права Дмитрий Федосеенков:

Очень часто приходится также получать ответные обращения, в которых люди указывают, а как же так, мы об этом даже не знали, не слышали о том, что подобный федеральный закон имел место быть, и в частности, мне хотелось бы озвучить такой момент, что никто не был оповещен из осужденных, никакой информации до них не доносилось, о том, что у них остался...фактически...закон этот был принят в июле 2013 года – у них оставалось 5 месяцев на обжалование. Но их об этом никто не предупреждал.

Приходится констатировать, что осужденным не дали возможности обжаловать приговор, даже если у них оставались 2-3 надзорные инстанции, которые они еще не использовали. У них было всего 5-6 месяцев, и, с учетом времени, необходимого на пересылку документов, сделать это было физически невозможно. Неловкость, а для самих граждан – трагичность ситуации, понимают и некоторые депутаты Государственной Думы, которые пытаются ее изменить - пока что в отношении кассационного обжалования приговоров. Продолжает Дмитрий Федосеенков:

Следует отметить то, что сейчас Владимиром Плигиным внесен законопроект в ГД, который предусматривает изменение в УПК в части обжалования судебных приговоров, постановленных после 1 января 13-го года. То есть, сейчас ... установленный годичный срок он предлагает отменить. Но поскольку это авторитетный депутат Государственной думы, имеются основания предполагать то, что данный законопроект будет принят, и я думаю, что если все-таки будут внесены изменения относительно сроков обжалования приговоров в кассационном порядке, которые вступили в законную силу после 1 января 13 года, это может служить каким-либо катализатором для того, чтобы установленный запрет на обжалование судебных решений, вступивших в силу до 1 января 13 года, тоже был отменен.

Многие осужденные уже обратились по поводу 217-го федерального закона в Конституционный суд, но пока никаких решений не принято. Если же Конституционный суд решит, что этот закон **не** нарушает права осужденных на обжалование приговоров, то правозащитники предлагают обратиться к тому или иному субъекту законодательной инициативы - с просьбой внести законопроект, отменяющий данное положение 217-го федерального закона.

Сравнительно высоко оценивая возможности исправления судебной ошибки, существовавшие в 2002 году, правозащитники возлагают ответственность за деградацию этого института и на Верховный суд РФ, и на Генеральную прокуратуру. Прокуратура, по их мнению, сегодня не в состоянии обеспечить соблюдение законности и права граждан, попавших в сферу действия системы уголовного правосудия. У микрофона юрист-эксперт Фонда «В защиту прав заключенных» Валентин Богдан:

По поводу сотрудников органов прокуратуры: я бьюсь уже на протяжении трех лет с прокуратурой лишь одного федерального территориального округа, это Рязанская область, откуда мне все время пишут отписки – «все нормально, все замечательно», а Генпрокуратура мягко закрывает глаза. При на всех заседаниях у нас всегда присутствует ответственный сотрудник Генпрокуратуры, который льет слезы по поводу, что мы вот бьемся, мы все делаем, а когда обращаемся к ним за помощью, наладьте нам вопрос в отношении своих сотрудников, которые до сих пор продолжают в качестве отрицательных характеризующих формулировок использовать «не согласился с обвинением, продолжает отказываться от приговора, что он не выплатил каких-то денежных средств, хотя есть заявления о том, что удержания производили и прочее, прочее. Ну, то есть те старые нормы, которые Пленум ВС ... указал, что они являются незаконными нормами.

Достаточно посмотреть на судебную статистику, чтобы предсказать, что приговор, вынесенный очередному подсудимому, будет обвинительным. При этом судебные ошибки, по мнению правозащитников, стали уже привычным явлением и логически вытекают из практики нашего судопроизводства.

Судебные ошибки - у нас уже никто на них и не обращает внимания. Это не является нонсенсом. Это ... как традиционная вещь. Судьи загружены, а загружены чем? Первая инстанция совершила ошибку, вторая, третья, и они продолжают просто их клонировать в геометрической прогрессии. Безусловно, люди, которые недовольны таким решением, они обжалуют, каждый, вот это постановление, и тем самым возрастает поток так называемой работы наших судей.

Еще не так давно проблему качества правосудия принято было связывать со скромным жалованьем, которое получали судьи. Но прошло уже достаточно лет с тех пор, как ситуация в этом отношении кардинально изменилась, и мы вправе ожидать результатов.

Мы уже удивляемся, мы говорим о том, что да, раньше судьи были не в чести хотя бы по материальному обеспечению, по всем остальным у них все было нормально... Но теперь, извините, у них и зарплаты хорошие, приличные. Мы вправе, общество, вправе требовать от судей качества работы. Хватит нам прощать каждому судье элементарные вещи. У нас ведь в УПК нет такого понятия – «незначительная ошибка». Если есть ошибка, значит есть ошибка, а у нас всегда ссылаются, что «ошибка незначительная» - и что? Значит, можно на это закрыть глаза.

В контексте проблематики судебной ошибки очень большой темой является назначение и проведение судебных экспертиз, которые производит следствие. Эта проблема известна каждому адвокату, но до сих пор она никак не решается. Продолжает Валентин Богдан:

Это уже сплошь и рядом – кого ни спроси, адвокаты знают лучше меня...назначается экспертиза – никого не уведомляют, безусловно ни о каких правах обвиняемого и речи быть не может, что он имеет возможность задать свои вопросы, даже при разрешении следователя участвовать при проведении этой экспертизы...но всегда постфактум ставят обвиняемого в момент, в лучшем случае, в момент ознакомления с материалами уголовного дела. И тут же подсовывают, «вот подпиши» о назначении экспертизы, о заключении экспертизы...Ну, естественно, многие просто идут на это, не зная...и наши коллеги...адвокаты, они тоже идут порой на вот такую сделку, ставят свои подписи, фиксируют... а что бороться с мельницами, все равно мы здесь ничего не изменим.

Надзорное производство существовало для исправления судебных ошибок, которые неизбежны, т.к. судьи, как и все люди, тоже могут ошибаться. Только иногда истина торжествует слишком поздно – люди проводят годы в заключении, прежде чем им, наконец, удастся добиться справедливости. А сейчас и эти возможности практически сведены к нулю. Правозащитники не хотят мириться с такой ситуацией и предлагают пути решения проблемы. И прежде всего это открытость: более полное представление информации в интернете по открытым процессам, обязательная видео и аудио фиксация судебных заседаний. Сегодня это существует нормативно, но на практике используется еще не везде, особенно, в уголовных судах. А без прозрачности и создания для общества возможностей контроля за работой судов, наше правосудие будет оставаться некачественным, и по сути даже не может называться *правосудием*.